

—12 августа, за три дня до окончания крымской части геологической практики в Трудолюбовку на моё имя пришла телеграмма из Калининграда, в которой мама поздравляла меня с рождением дочки. В неполные двадцать два года я стал отцом (вторым в нашей группе после Дамира), а моя мама в свои 43 - бабушкой.

—В глубине души я мечтал о сыне. В детстве я часто, засыпая, представлял себя отцом именно сына, которого я буду всегда понимать и сочувствовать ему (обычно это бывало в периоды каких-нибудь обид на маму, которая, как мне казалось, совсем меня не понимает). Но я вполне был готов и к тому, что может родиться дочка: тоже хорошо, потом будет нянькой сыну, то есть всё опять замыкалось на сыне, в котором я видел будущего благодарного друга, а самоценной роли для дочки не находилось. Впрочем, в те дни меня больше беспокоило состояние Сашеньки, чем кто у нас родится, лишь бы всё было нормально, и сам по себе благополучный исход родов меня очень обрадовал, смущало только то, что срок вроде бы ещё не подошёл.

—Вечером мы всей группой вместе с Ансбергом торжественно отметили сухим вином рождение Иринки - имя у нас уже было заготовлено. Мишка, правда, называл меня бракоделом, но я на него не обижался. Девчонки наши почему-то особенно за меня радовались. Я упросил Ансберга раньше срока сдать ему зачёт и улетел в Калининград, чтобы навестить Сашеньку до начала второй части геологической практики, проходившей в Саблино.

—Дома я узнал от мамы, что с родами всё было совсем не просто, но сейчас уже самое сложное позади. В Калининграде врачи сразу же отправили Сашеньку в роддом, анализы у неё были плохие, плохо работали почки. Пришлось до срока искусственно стимулировать роды, так как продолжать носить ребёнка в себе Сашеньке было опасно. Поэтому-то Иринка и родилась восьмимесячной, весом всего лишь в один килограмм восемьсот граммов. Первые дни её держали под колпаком, оберегая от внешней среды, а когда я приехал, Иринку уже приносили Сашеньке на кормление.

—Роддом находился в старом немецком здании на Комсомольской улице. Сашенька лежала на втором этаже и показывалась мне в окно, даже высовывалась из него, когда я приходил. В неурочное время мы обменивались передачами с помощью верёвки. Настроение у Сашеньки было хорошее, она улыбалась. Как-то она показала мне в окошко маленький свёрток, из которого торчала крошечная головка с отчётливо торчащим вверх носиком. Это и была Иринка. В этот приезд в Калининград я встретился с Толькой Волосовичем, мы распили с ним бутылку коньяка и с тех пор больше не встречались.

В Калининграде я пробыл несколько дней. Сашеньку обещали выписать ещё не скоро, когда Иринка наберет вес до нормы, и я уехал в Ленинград на продолжение геологической практики. Оно проходило в Саблино, километрах в сорока от Ленинграда по железной дороге в сторону Москвы.

Здесь было оборудовано несколько деревянных домов под студенческую базу ЛГУ. Для геологической практики это место было выбрано, по-видимому, из-за наличия естественных пещер с ходами-лабиринтами в берегах речки Саблинки и значительных обнажений осадочных пород в её долине. От собственно практических занятий здесь у меня не осталось почти никаких воспоминаний, не могу даже сообразить - чем же мы там занимались? Кажется, работу с теодолитом осваивали.

Запомнились же наши вечеринки с вином, песнями, трепатнёй и всегдашняя Димина подтянутость, контрастировавшая с бардачным образом жизни и неряшливостью остальных, даже девчонок. Дима боролся за чистоту в нашем совместном жилище. А, кстати, кроме меня все остальные из нашей группы в общежитии никогда не жили и не были приучены к коммунальным обязанностям перед товарищами, для Димы же было

естественным стремление к комфорту, и он часто возмущался свинячеством нашей компании, которой, впрочем, не избегал и пил наравне со всеми.

Саблинка

Запомнилось, как однажды я взялся перенести Мишку Крыжановского через Саблинку по броду, где воды было максимум по колено. Мишка же при параде зачем-то собрался в Ленинград, в гости куда-то, и не хотел закатывать штаны, чтобы не мять их. Я просунул свою голову ему между ног, посадил его себе на плечи и, слегка пошатываясь - Мишка весил всё же больше восьмидесяти килограммов, потащил его через речку, да уже у самого противоположного берега поскользнулся: дно-то каменистое, с меня свалились в воду очки (точнее, Мишка их сбил, потому что дёрнулся, когда я поскользнулся), я инстинктивно сделал резкое движение вперёд, пытаюсь их поймать, а Мишка качнулся назад и стал сползать с меня. Тут я окончательно потерял равновесие, и мы с Мишкой повалились на спину. Мишка окунулся весь, хотя глубина была всего по колено, а я же замочил только штаны, так как оказался сверху Мишки. Я хохотал, а Мишка страшно разозлился, как будто я нарочно всё это устроил.

В сентябре, после Саблино я ездил в Калининград забирать Сашулю с Иринкой из роддома, где они пролежали почти месяц. Вёз дочь в такси как хрустальную вазу, аж руки занемели, боялся пошевелиться. Сашуля говорит, что я в тот день купил необыкновенно шикарный букет гладиолусов.

[\(продолжение следует\)](#)